

Русский взгляд на Польшу конца XVII века в «Записках путешествия» Б.П. Шереметева¹

Блудилина Н.Д.,

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия, *dilinata@mail.ru*

В статье анализируется литературный памятник конца XVII «Записки путешествия» Б.П. Шереметева эпохи культурного перелома, который пережила Россия в начале правление Петра I: переход от старых форм жизни к новым европейским. Пристально исследуется взгляд автора «Записок» на Польшу, как на страну, близкого по славянской крови народа, но чуждую конфессионально, уже бывшей тогда, в высшем сословии, страной европейской светской культуры, и являвшейся для России посредником западных веяний. В русском сознании уже тогда сложилась духовно-нравственная оппозиция свой/чужой в отношении к образу этой страны и ее народа: это подтверждается и анализом данного литературного источника.

Ключевые слова: жанр, путешествие, духовная оппозиция, конфессия, Шереметев, Польша, Россия, Восточная Европа.

Для цитаты:

Блудилина Н.Д. Русский взгляд на Польшу конца XVII века в «Записках путешествия» Б.П. Шереметева [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Том 2. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Bludilina.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020303

For citation:

Bludilina N.D. The Russian view on Poland at the end of the XVII century in "Travel Notes" by B.P. Sheremetev [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2015, vol. 2, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Bludilina.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2015020303

В правление Петра Великого на рубеже XVII и XVIII веков Россия пережила культурный перелом, который нелегко давался людям того времени, но особенно тяжело «пионерам просвещения» старшего поколения: для них переход от старых форм жизни к новым, европейским был короче, но острее и резче. То новое, что другие их современники должны были пережить и прочувствовать за годы, они должны были усваивать в месяцы и даже в недели, чему особенно способствовали путешествия в Западную Европу, куда ехали привычным путем, минуя Польшу. Эта страна — близкого по славянской крови народа, но чуждого конфессионально, по вере католической — уже была, ближе к новому времени, страной совершенно европейской светской культуры в высшем сословии. Польша также долго

¹ Подготовлено в рамках проекта Грант РГНФ 15-34-11073 "Литературные взаимоотношения России XVIII-XIX вв.: по материалам российских и зарубежных архивохранилищ".

Блудилина Н.Д.
Русский взгляд на Польшу конца XVII века в «Записках
путешествия» Б.П. Шереметева
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 17–25.
doi: 10.17759/langt.2015020303

Bludilina N.D.
The Russian view on Poland at the end of
the XVII century in “Travel Notes” by B.P.
Sheremetev
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 17–25.
doi: 10.17759/langt.2015020303

являлась для России посредником западных культурных веяний: так со временем в русском сознании (это подтверждается и анализируемым в данной статье литературным источником) сложилась духовно-нравственная оппозиция свой/чужой в отношении к образу этой страны и ее народа.

Борис Петрович Шереметев (1652–1719) принадлежал к старшим «птенцам гнезда петрова». Он был видным спо–движником Петра I, главным его полководцем (генерал-фельдмар–шалом), он долгие годы верой и правдой служил отечеству. В 1682 г. был пожалован в бояре, способствовал в 1684 г. заключению мира и союзного договора с Польшей. В 1695 г. участвовал в Азовском походе Петра I, завладел крепостями на р. Днепр. В 1697 г. отправился в продолжительное путешествие через Польшу в Западную Ев–ропу, посетил Вену, Рим и Мальту, везде был принят с великими почестями. В 1700 г. участвовал как полководец в войне со Швецией, тогда и был пожалован в генерал-фельдмаршалы. В 1706 г. усми–рил взбунтовавшихся в Астрахани стрельцов. Был военачальни–ком в Северной войне. В 1709 г. участвовал и отличился в Пол–тавской битве. После турецкой компании начальствовал над вой–сками в Польше, Померании и Мекленбурге.

О вояже русского боярина на Запад сохранилась «Записка путешествия графа Бориса Петровича Шереметева в Европейские государства. 1697-1699 гг.». Впервые «Записка» была напечатана в 1773 г., вторично в 1774 г. вместе с его письмами к Петру I. Позже выбо–рочно это сочинение было опубликовано в «Памятниках диплома–тических сношений» (т. X) в 1849 г. под следующим названием: «Похождение на Мальтийский остров боярина Бориса Петровича Шереметева в 1697—1699 гг.» [1, с. 59]. Можно познакомиться с «Запиской» и в современном издании (в нем текст этого памятника подготовлен и комментирован автором данной статьи) [1].

На страницах «Записки путешествия...» Б.П. Шереметев пред–стает не как военачальник, а как посол, исполняющий важную го–сударственную по-литическую миссию, как знатный русский боярин, представитель ближайшего окружения царя. Все это наложило на его путешествие официальный оттенок. В его описаниях много места занимают рассказы об аудиенциях, которые он имел при западноевропейских королевских дворах; упоминания о многочисленных дарах, которыми он при этом обменивался; немало места занимают в сочинении речи, кото–рые он произносил, и тексты грамот, которые он вручал; особо подчеркнута уважительное отношение иностранных дворов к русскому боярину, соблюдение положенных ему по рангу почестей; зафиксировано каждое перемещение Шереметева по Западной Европе. В путевых записях явно чувствуется стиль отчета по вы–полнению ответственной дипломатической миссии, как в «статейном» списке. Но, не–смотря на все эти «официальные» подробные сведения, «Запис–ка» — не «статейный» список, в ней много бытового материа–ла, характеризующего ее автора; немало и внешних впечатлений от увиденного во время путешествия, отразившихся в пест-роте ее содержания, стиля и языка, в котором причудливо сливались древняя и современная русская лексика со словами из польского и западноевропейских языков.

Записи, по-видимому, вел не сам Шереметев (о нем говорится в третьем лице, в почтительном тоне), а Герасим Головцын или Алексей Курбатов, сопровождавшие знатного боярина в его стран–ствиях [1, с. 60, 63]. Возможно, многое писалось и под диктовку Шереметева, который по старой традиции говорил о себе в третьем лице [1, с. 63].

Путешествие Шереметева, согласно тексту «Записки», было осуществлено по религиозным и познавательным мотивам: боярина позвала в путь благодарность к апостолам Петру и Павлу, его покровителям в ратном деле, и желание увидеть «окрестные» стра–ны [1, с. 63–64]. Но истинная цель поездки была, очевидно, определена тайным указом Петра I. Маршрут путешествия предварял путь следования «Великого посольства» и являлся частью

общего плана русской дипломатической миссии в Западной Европе по созданию антитурецкого союза европейских государств. Но тщетно искать в тексте существенные подробности переговоров Шереметева с иностранными правителями — автор утаивал их содержание. В «Записке» немало любопытных описаний европейских нравов и обычаев и наблюдений над иноземной жизнью, видно в тексте и его наивное восприятие внешних проявлений западной культуры, в основном чуждой ему.

Современники Петра I с тяжелым сердцем и в мрачном настроении ехали в неведомые края. И если умом они понимали необходимость таких поездок, то все их чувства были против путешествия. Б.П. Шереметев отправлялся в путь, как было принято всегда на Руси, уповая на Бога, усердно помолясь и взяв себе в путеводные небесные покровители святого Иоанна Предтечу: «Да той плотный Ангел великий Божий Предтеча; аще мы и не достойны есмы, обаче не оставит нас во претрудном сем пути нашем, но уготовит нам той путь наш мирен, безмятежен и во всем благополучен, ... в сем претрудном и скорбном пути нашем, прохладит нас от зноя всяких печалей и болезней прохладением утешения и исцеления, и будет нам столпом крепости от лица вражия...» [1, с. 63]

4 сентября 1697 г. от рождества Христова или 7206 г. от сотворения мира (в памятнике даны два летоисчисления, важная примета переходного времени) переправился боярин со свитой через реку Днепр, и заночевали они на его берегу на польской стороне. (По Андрусовскому перемирию (1667) и по Вечному миру (1686), положившим конец войнам России и Польши, Малороссия разделялась между ними по Днепру, причем до 1686 г. г. Киев оставался предметом спора двух государств [1, с. 156]). Так русские путники въехали на территорию Речи Посполитой. (Калька с лат. *res publica*, государственное объединение по Люблинской унии 1569 г. Польского королевства и Литовского княжества [1, с. 156]).

В «короне Польской и в княжестве Литовском» тогда была созвана «конфедерация» (шляхетский съезд) для выбора нового короля Польского, после смерти Яна III Собесского в 1696 г., которые завершились избранием саксонского курфюрста Фридриха Августа (Августа II Сильного). Начался очередной «рокош» (междоусобица), как отмечается в «Записке путешествия», между сенаторами и шляхтой. Смута шла со стороны сторонников французского принца Франсуа Луи де Конти, претендовавшего также на польский престол [1, с. 66, 156]. «Рокошане» опасались лишь русских войск, которые послал к литовской границе Петр I, недвусмысленно выражая тем свою заинтересованность в исходе выборов в пользу Фридриха Августа [1, с. 157]. Междоусобица сопровождалась мятежами и убийствами, о чем Шереметев был уведомлен от тамошних жителей духовного чина, которые посоветовали русскому боярину ехать чрез страну «Польского владения» с великим опасением, утаивая достоинство своё и имя, чтоб «от тех рокошан не пострадать чего зла» [1, с. 66]. Борис Петрович постановил звать себя Романом, ротмистром его царского величества, а свита (царедворцы и слуги его дома, взятые для провожания до Кракова) была объявлена «равными товарищами» [1, с. 66].

С польской границы в пути русского боярина начались «великие» трудности передвижения: «...езде своею особою был в заимках, и в пере-сылках к комендантам и к губернаторам, для разговоров о вольном проезде» [1, с. 67]. Эмоциональные описания этих дорожных приключений в Речи Посполитой оживляют повествование, довольно монотонное и скудное на подробности и анализ увиденного.

С 7 по 18 сентября, проезжая в день приблизительно по 3–4 мили, дорога была «худая и грязная», ночевали русские путники в разных «местечках» (город — польск. *miasto*): Рудна Пана Стецкого; Дуброво «у колодезя, где крест поставлен»; Норыньск, под городом Медведичи; на разоренном месте, что был городом Искорость (или Коростень, главный город славянского племени древлян, упоминаемый в летописи под 945 г., сожженный княгиней Ольгой, мстившей

за смерть мужа князя Игоря [1, с. 67, 157]), там была «римская каплица» (католическая часовня) с ксендзом ордена кармелитов; проехав село Пашины и с полмили разных «шляхт однодворцев», под деревней Бондаревкою пана Зубчевского «подчашия» (придворная почетная должность [1, с. 67, 157]) Новотроицкого, где дорога была «зело худа»; далее — под селом Корчику панов Косаковских; переехав до места Корец, ночевали в степи у болота [1, с. 67].

Упомянута интересная деталь того времени: «... в то время слышали, что татары были в двух милях под местечком Корчику» [1, с. 67]. Крым-ские татары в то время выполняли вассальную роль по отношению к Турции и постоянно совершали набеги на украинские владения Польши (в 1676 и 1695 гг. они доходили даже до предместий Львова) [1, с. 158].

Доехав до деревни Межирички пана Иеронима Августина Лубомир-ского, гетмана великого коронного, «подскарбия коронного» (королевский казначей), он был известен тем, что поддерживал на выборах 1697 г. кандидатуру принца Конти и выступал против союза с Петром I [1, с. 67, 157]. Там прожил боярин со свитой один день, чтобы подковать коней (характерная деталь обихода путешествий того времени). Потом двигались до местечка Тучин и ночевали, проехав полторы мили, под местечком Козин, за полмили до Александрии «конюшего коронного» Конецпольского. 18 сентября ночевали в г. Олыка князя Радзивила, принадлежавшего к знатнейшей и богатейшей польско-литовской фамилии, ведшей свой род от Гедимина (в отличие от дворянства других феодальных государств, польская шляхта официально не признавала наследственных титулов и связанных с ними привилегий, но польские феодалы литовского происхождения сохраняли княжеские титулы) [1, с. 67, 158].

Здесь относительное благополучие путешествия закончилось: инкогнито Шереметева было раскрыто поляками. Они прислали к постоялому двору капитана и с ним пятьдесят человек солдат, и со двора спускать никого не велели, и прислали от себя говорить боярину и его свите, что признаем мы вас не за равное товарищество; есть между вами «един старший» Шереметев, гетман войск царского величества, и царское войско стоит по границе, а он, «распорядив» войско, едет к нынешнему «нововыбранному» королю, «для совета и управления с нами», которые держат сторону де Конти, и хотят быть ему «на королевстве» [1, с. 67–68]. Наш боярин все это самоотверженно отрицал, но ему два раза пришлось самому ездить к губернатору «под караулом», и едва своими речами уверил власти, что едет всего лишь «равное товарищество, где пристойно служить» [1, с. 68]. Шереметев и его свита «многие понесли тягости»: ходили слухи, что их хотели всех ограбить или перебить до смерти; но «десница Божия учинить то их не допустила» [1, с. 68]. Также Борис Петрович «многую издержал истрату» в том городе: дарил многих, и кормил, и поил капитана и солдат [1, с. 68].

Русские путешественники 20 сентября, покинув злополучный г. Олык, прибыли в Луцку для поправки телег, а ночевали в корчме Борятиной. Потом ехали до «места Влодзимерж» (город Владимир-Волинский, был основан св. Владимиром, упоминается в «Повести временных лет» под 988 г., в составе Польши с 1569–1795 гг. [1, с. 68, 158]), где обедали, а ночевали, отъехав полторы мили, в корчме Кодечевской, далее — в корчме села Рубишева. 26 сентября боярин со свитой приехали в Замосць (Замостье), каменный город, с церковью чудотворца Николая, в которой служили два «черные священника» (монахи); и стояли в «предместии».

Там в особом замке жила гостеприимная «панья» Анна-Франциска, урожденная Гнинская, вдова Мартына Замойского, «великого подскарбия коронного», и трое ее сыновей Томас, Михал и Мартын [1, с. 68, 158]. К ней русские путники и отправились с визитом. Их встречали с большим почетом и церемонно: у крыльца — дворовая шляхта, в сенях — «эконом» со шляхтой и «начальные люди»; в первой палате — старший сын «её милости» и с ним шляхта; в третьей — её езуит-духовник; в четвертой — приняла всех «зело любовно» «панья» Замойская:

сама изволила подносить венгерское вино и спрашивала о здоровье, и как ехали, и куда едем, и каких чинов люди? [1, с. 68–69] После визита столь же чинно ее сын провожал боярина со свитой из всех палат в сени, а когда ехали на двор и со двора, у ворот и в палатах стояли солдаты в ружье по обе стороны, одетые по-венгерски. Оттуда русские путешественники заехали по приглашению во двор ловчего (придворная должность, заведующего королевской охотой) Плоцкого пана Петра Шидловского; он и его жена приняли их также «зело любовно»: ужинали и «банкетовали»; и с его дочерью и с другими «паньями» танцевали до девятого часу ночи [1, с. 69]. На другой день на квартире боярина навел сын «панья» Подскарбиной со шляхтой и со своею челядью для «наведывания» о здоровье; и по достоинству ему была отдана честь, а против его слов о войсках Московских и «о всем ответ чинен»; и посидев, «подвеселясь мало», уехал [1, с. 69]. Позже «панья» Подскарбина присылала в их квартиру от своего двора шляхтича звать русских на банкет, куда «убрався», боярин со свитой поехали на конях, а первым значился среди них Алексей Курбатов по воле боярской «для утаения». Когда они въезжали в замок, много солдат стояло по обе стороны в строю. Принимали их столь же почтительно и чинно: сначала «...подносили водку, и на тарелках носили закушивать конфекты», потом позвали к круглому столу в другую палату, где «в кушанье довольство было из-рядное, и пили венгерское вино про государево здоровье и царевича государя» [1, с. 69]. Разговаривали они с Замойским и с двумя иезуитами о теперешнем короле, о «рокошанах», о московских войсках и «о всяких поведениях». «И во всем удовольствие было великое», — отмечено в «Записках» [1, с. 70]. После обеда ходили они в палаты к самой «панье» Подскарбиной, где подносили им вино; она дипломатично спрашивала о Московских войсках, где находятся? Поблагодарив ее «за принятие любовное и всякое удовольствие», ушли, а ее сын почтительно провожал русских гостей до самых нижних сеней [1, с. 70]. На вечер вновь были «зазваны до» пана Шидловского; и там «банкетовали», и танцевали часу до восьмого ночи с «паньями», которые пришли из замка от «паньи» Подскарбиной [1, с. 70]. На другой день «для благодарствования за удовольствие» посланы были к «панье» Замойской Василий Батурин и Яким Косов [1, с. 70].

Так славно и почтенно проводили время боярин со свитой, но и здесь не обошлось без приключений. В Замосце так же «прознавали» их, как и в Ольке, не за «равное товарищество»; и они были на сутки арестованы и провели их под караулом; только долгие переговоры и переписка разуверили городские власти [1, с. 70]. Была и другая напасть: в их бытность в Замосце, приезжал с тремя «хоронгвьями» (эскадрон в кавалерии в 120 всадников) пан Лащ, староста Грабовецкий, и узнав о боярине, замыслил он, по выезде русских из города, всех погубить, его люди сидели в осаде, поджидая наших, в некоей корчме. О чем Шереметева тайно предупредил пан Шидловский. Боярин и его свита были в большой опасности, но благодаря «присылке» от доброй «паньи» Замойской, пан Лащ отъехал [1, с. 70]. На дорогу та же щедрая и заботливая «панья» прислала русским путешественникам в дорогу «диких битых всяких птиц многия гнезды» [1, с. 70].

Далее путь по Польше боярина Шереметева со свитой следовал через село Валенция и местечко Туробьян, владение «паньи» Замойской; село Студенок, пана Древицкого, «каштелана» (комендант крепости) Лубенского; обедали в местечке Красник, а ночевали, проехав королевское местечко Урзендов полторы мили, в селе Крослин, пани Подскарбиной. 8 октября они выехали к реке Висле в местечко Клотнича, пана Иозефа Потоцкого, старосты Галицкого; и, пообедав, переправились чрез реку Вислу и ночевали на берегу в корчме. Там с Шлезского тракту повернули на Краков, на местечко Тарлов, пана графа Тарло; ночевали в селе Рассохи в корчме пана Древецкого; а обедали в тот же день в местечке Глиняном. Там повстречали посланного от польского короля к Москве пана Бокея, судью Троицкого, «покоевого королевского» (придворная должность). От Рассох, переехав милю, обедали в городе Опатове Чарном, «маршалка надворного» (гофмаршал, распорядитель королевского двора) пана

Любомирского; «то место хорошее, — отмечено в «Записке», — в нем семь костелов» [1, с. 71]. Ночевали в местечке Иванск, «паньи» Калиновской вдовы. Проехав три мили, обедали в местечке Раков пана Гонсецкого, ротмистра королевского; а ночевали в селе Потогск. На другой день обедали в местечке Хмельник; а ночевали в корчме.

13 октября они добрались до места Пинчов, где жили до 23 числа; оттуда были посланы в Краков к русскому резиденту дьяку Алексею Васильеву «сыну Никитину» Василий Батурин и Алексей Курбатов. Выехав из Пинчова, ночевали в местечке Скаймерж ксендзов Краковских. Далее приехали в королевское местечко Просовицы, где «за некоторыми нуждами мешкали» до 3 ноября [1, с. 71]. За милю до Кракова ночевали в корчме, куда приезжал резидент дьяк Алексей Васильев «сын Никитин». Отобедав, поехали в Краков, где стали на Слаковской улице, во дворе ратного пана Крауса.

От короля был прислан к Шереметеву «становничий» (церемониймейстер) Краковский, чтобы боярин стал на «дворе», приготовленном по указу королевского величества.

С утра на квартиру к Шереметеву приезжал с визитом пан Слушка, гетман полный Литовский, «каштелан» Вилнский; двое Потоцких, Стефан — «стражник коронный» и Теодор — «ксендз бискупства» (епископ) Поморского; секретарь королевского величества пан Клест с приглашением на аудиенцию с королем на выбор: публично с церемонией или приватно. Боярин просил секретаря, чтобы был принят приватно без церемонии.

6 ноября в пятом часу дня, приехал тот же секретарь с каретою королевского величества: «...карета зело богато вызолочена вся, и резьба высокая, а в ней сбито бархатом золотым, и заложена шестью возниками в гнеде чалы» (упряжные лошади серо-коричневой масти) [1, с. 72]. В ней Боярин поехал во дворец, а напротив него сидел секретарь и резидент московский дьяк Алексей Никитин; а перед каретою ехали дворяне и боярского дома люди верхами.

Приехав в королевский двор, пошли вверх в «аудиенц-камеру», в которой находился король с Сенатом (как проходила встреча, можно увидеть на гравюре, которая нарисована в то время «с оригиналов со всем тогдашним убором»). Русский боярин стал пред его королевским величеством, и, поклонясь в пояс, говорил речь, суть которой заключалась в точном обозначении геополитической обстановки в Восточной части Европы, и побед над турками (летом 1695 г. Шереметев лично с казаками гетмана Мазепы штурмом взяли турецкую крепость Кызы-Кермень, потом срытую до основания), крымским ханом (Шереметев участвовал и при взятии Азова в 1696 г.), общими «неприятелями креста святого» [1, с. 160–161]. Речь шла и о «Вечном мире», договоре между Россией и Польшей, заключенном в Москве в 1686 г., по которому Польша отказывалась от территориальных споров, признав за Россией право обладания Смоленском, Киевом и левобережной Украиной [1, с. 160]. Текст речи Шереметева приводится в «Записках» целиком [1, с. 72–75]. Когда боярин закончил, то от королевского лица ответную речь говорил «Георгий Алберт Денгов» (Денхоф Ежи Альбрехт), епископ Премышльский, великий канцлер коронный, особо отметивший военные заслуги русского фельдмаршала, «ведая же во многих пресильных знатных военных оказиях не устрашимое твое сердце» [1, с. 76]. По ее завершении боярин и его свита были допущены до королевской руки. Потом подходили поприветствовать боярина сенаторы, пан Феликс Казимеж Потоцкий, гетман полный коронной, воевода Краковской; Пан Иозеф Слушка, гетман полный Литовский, «каштелян» Вильнский и прочие. После этого боярин и все бывшие при аудиенции, поклонясь Августу II, из палат вышли, и до квартиры провожал боярина в карете королевский секретарь.

7 ноября, на следующий день, Шереметев послал к королевскому величеству великолепные дары: «два сорока соболей, ценой в триста рублей, мех соболей в триста ж рублей, две черныя лисицы, пятьдесят рублей, пищаль турецкая, зело богатоустроенная с

каменьями, двести рублей, сто огонков, пятьдесят рублей» (огонек — хвост пушного зверя) [1, с. 77]. Более скромные, но богатые подарки русскими мехами, деньгами и оружием получили и польские придворные.

День этот был насыщенным для русского боярина. У иезуитов в костеле Святых Апостолов Петра и Павла был праздник: праздновали «закона своего начальнику Станиславу Костке», слушали мессу и проповедь епископа Премышльского в присутствии Августа II. По окончании мессы Шереметев проводил королевское величество до кареты, и король с ним «привитался (поприветствовался) зело любительно» [1, с. 77].

В тот же день наш гетман откушал у пана Слушки, гетмана полного Литовского. Назавтра уже посылал боярин к нему в дары: «двенатцать возников пегих, ценою в полтора ста рублей, два меха горностаевых, цена обеим сорок рублей, две пары соболей, пятьдесят рублей, сто огонков, сорок рублей, два меха белых чешуйчетых, десять Рублев» [1, с. 77].

Столь же щедро были одарены и прочие сенаторы. Например, пану Стефану Потоцкому, стражнику коронному, были посланы «конь Черкесской с седлом и со всяким богатым убором, ценою во сто в шестьдесят рублей, сабля Турецкая, оправленная в золоте с каменьями, во сто рублей, пара соболей, в сорок рублей», а к его брату, епископу Поморскому, — «двенатцать возников, ценою во сто двадцать рублей, пара соболей, в сорок рублей, мех горностаевой пятнадцать рублей, пятьдесят огонков дцадцать рублей, два меха белых чешуйчетых, десять рублей» [1, с. 77].

В тот же день вышеупомянутые сенаторы «обсылали дарами от себя» русского боярина. Гетман полный Литовский прислал «два шандала больших стенных серебряных», и за принос присланному его была дана «пара соболей, да косяк камки (шелковой ткани), мех белей (белок), ценою всего на тридцать рублей» [1, с. 78]. Стражник коронный прислал две пары золотых часов «высокой работы»; а его присланному был поощрен как и предыдущий дарами «ценою на тридцать рублей». Епископ Поморский также прислал золотые часы «богатоубранные с камнями дорогими», и трость, оправленную золотом с алмазами; отблагодарили и его присланного [1, с. 78]. Столь же щедрой были в «отдаривании» высокого русского гостя и прочие высокие лица при польском дворе.

8 ноября вечером Шереметьев приватно встречался и беседовал три часа с королевским величеством о военных делах, он велел русскому гетману перед собой рисовать «ордер де баталии» (диспозиция, боевой порядок), как ходят в воинских ополчениях.

Следующие дни нашего боярина были посвящены визитам, обедам, банкетам у разных высоких лиц при польском дворе: у пана Потоцкого, стражника коронного, воеводы Калишского и Мазовецкого и другие; поездке из Кракова в поле, где он «тешился метанием стрел из луков со знакомцы и с людьми, бывшими при нем, которой стрельбы смотрели многие поляки и немцы» [1, с. 78].

19 ноября был Шереметев со своею свитою на банкете у королевского величества в его палатах в замке, за столом чествовал высокого русского гостя «ближней» короля, в его милости находящейся Ян Пребендовский, «каштелян» Хелминский, и все сенаторы. На другой день Август II явил милость «зело склонную» и «много тайно» говорил с боярином. В тот же день король изволил прислать своего секретаря к Шереметеву с дарами: «пара фузей, да пара пистолет французских, весьма богато устроенных, шкатулка серебряная сканной работы с каменьями, да кубок сделан из морской вещи, оправлен в серебре и вызолочен» [1, с. 79].

Вплоть до 24 ноября боярин гостил в Кракове. Перед отъездом ему был прислан рекомендательной «аттестат (приводится в тексте «Записок» [1, с. 79–80]) от господина Карла

Блудилина Н.Д.

Русский взгляд на Польшу конца XVII века в «Записках путешествия» Б.П. Шереметева

Язык и текст langpsy.ru

2015. Том 2. № 3. С. 17–25.

doi: 10.17759/langt.2015020303

Bludilina N.D.

The Russian view on Poland at the end of the XVII century in "Travel Notes" by B.P. Sheremetev

Language and Text langpsy.ru

2015, vol. 2, no. 3, pp. 17–25.

doi: 10.17759/langt.2015020303

Июлия Седлницкого, камергера цесарского величества, находящегося при польском короле чрезвычайным посланником.

Все свои затраты «в бытность» в Кракове Шереметев тщательно подсчитал: «истраты ... в харчевья потребности», и что дано военным королевским и сенаторским музыкантам и лакеям, и барабанщикам и конюхам, которые всегда возили боярина в королевской карете, и «иным всяких чинов», которые приходили по обыкновению своему поздравлять боярина, — «изошло две тысячи триста талеров битых» [1, с. 80].

25 ноября русские путешественники покинули Краков. Ночевали в местечке Илкуш Королевском, где «дельвали» серебро. 27 ноября — последняя ночь в Польше, проведенная в селе Бетхен епископа Краковского. На следующий день они переехали «цесарскую» границу, миновали Восточную Европу, и начиналась Западная.

После своего вояжа Шереметев явился в Москву совершенно преображенным из русского боярина в европейца; в немецком платье, подражая немецким обычаям и выставляя себя мальтийским рыцарем («кавалерской крест алмазной весь золотой» был ему вручен «гранд-магистром» Мальтийского ордена), чем необыкновенно понравился Петру.

Литература

1. Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники первой четверти XVIII века. М.: Наследие, 2000. С. 58–152.

Блудилина Н.Д.
Русский взгляд на Польшу конца XVII века в «Записках
путешествия» Б.П. Шереметева
Язык и текст langpsy.ru
2015. Том 2. № 3. С. 17–25.
doi: 10.17759/langt.2015020303

Bludilina N.D.
The Russian view on Poland at the end of
the XVII century in "Travel Notes" by B.P.
Sheremetev
Language and Text langpsy.ru
2015, vol. 2, no. 3, pp. 17–25.
doi: 10.17759/langt.2015020303

The Russian view on Poland at the end of the XVII century in "Travel Notes" by B.P. Sheremetev

Bludilina N.D.,

Full Ph.D. in Philology, a leading researcher at the Institute of World Literature of Gorky Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, *dilinata@mail.ru*

This article analyzes the literary monument of the late 17th notes travel B.P. Sheremetev era cultural fracture which went through Russia at the beginning of the reign of Peter the great: the transition from the old to the new European life forms. Closely explores the mind of the author of "notes" to Poland as a country close to the Slavic blood people but religiously alien, already then, in the high bar, country European secular culture, and as an intermediary for Russia to Western influences. In Russian minds already evolved spiritually-moral opposition ally/foe in regard to the image of this country and its people: it is the analysis of the literary source.

Key Words: genre, journey, spiritual opposition, confession, Sheremetev, Poland, Russia, Eastern Europe.

References

1. Russia and the West: the horizons of mutual learning. The literature of the first quarter of the 18 century. M.: The Legacy, 2000, pp 58-152.